

62

1280.

ММ

МЗО ст.р.

ПОЛЬ ВЕРЛЭНЪ

53

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ

ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА

Редакторъ

Василъ Соллогубъ

МЗО стиховъ

МОСКВА

1911

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПИОНЪ“

ИНВ. № 22771

16⁷/₆₂

53

ИЗЪ КНИГИ

POÈMES SATURNIENS

(САТУРНИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ)

(1866 г.)

ПОСВЯЩЕНО ЭЖЕНУ КАРЬЕРУ.

МЕЛАНХОЛІЯ.

Посвящено Эрнесту Бутье.

РЕЗИНЬЯЦІЯ.

Въ дни юности мечталъ я о Непалѣ,
О славѣ папы иль царя царей,
Сарданапалѣ, Гелиогабалѣ...

Межъ золота и дорогихъ камней,
Подъ музыку, въ пьянящемъ ароматѣ,
Мнѣ снился рай ласкающихъ объятій...

Прошли года и стихъ мой буйный пылъ,
Узналъ я жизнь, узналъ ея законы,
Умѣю чтить границы и препоны,
Но прежнихъ грезъ своихъ не разлюбилъ!

Пусть на пути къ величью ~~и~~ Невозможность!
Все жъ малаго не славить мой языкъ!
И мнѣ противны: милый женскій ликъ,
Неточность риѣмъ и друга осторожность!

9
2

Поль Верлэнъ.

2.

ОБЪТЪ.

15 Подруги юности и молодыхъ желаній!
Лазурь лучистыхъ глазъ и золото волосъ!
Объятій аромать, благоуханье косъ,
И дерзость робкая пылающихъ лобзаній!

Но гдѣ же эти дни безпечныхъ ликованій,
20 Дни искренной любви? Увы, осеннихъ грозъ
Они не вынесли, — и вотъ царить морозъ
Тоски, усталости, и нѣтъ очарованій.

5 Теперь я одинокъ, угрюмъ и одинокъ.
Такъ старецъ безъ надеждъ свой доживаетъ срокъ,
15 Сестрой покинутый, такъ сирота тоскуеть.

О женщина, съ душой и льстивой и простой,
Кого не удивишь ничѣмъ и кто, порой
Какъ мать, съ улыбкою, васъ тихо въ лобъ цѣлуетъ!

Меланхолія.

~~а.~~
УСТАЛОСТЬ.

A batallas de amor campo de pluma.
Gongora.

Немного кротости! Смири свои порывы!
32 Хотя бы для того, чтобъ насъ развлечь, порой
Должна любовница казаться намъ сестрой.
Немного кротости, и будемъ мы счастливы!

Будь нѣжной, заласкай до сладкихъ сновидѣній!
Какъ стоны страстные твой томный взглядъ хорошъ.
33 Прекраснѣй трепета, объятій, изступленій
Твой долгій поцѣлуй, хотя бъ и былъ онъ — ложь!

Но ты мнѣ говоришь, что въ сердцѣ съ звонкимъ рогомъ
Идетъ слѣлая страсть по всѣмъ его дорогамъ...
Оставь ее трубить! Мнѣ въ руку руку дай,

41 Къ челу своимъ челомъ прильни, когда устанешь,
Опять клянись мнѣ въ томъ, въ чемъ завтра же обманешь,
И до зари со мной, дитя мое, рыдай!

4
Поль Верленъ.

X
ПРИВЫЧНАЯ МЕЧТА.

Мнѣ часто грезится завѣтная мечта—
Безвѣстной женщины, которую люблю я.
45 Но каждый разъ она и не совсѣмъ не та,
И не совсѣмъ одна,—и я томлюсь, тоскую.

И ею я любимъ; та женщина одна
Умѣетъ разгадать моей души загадки,
И моего чела холодный потъ и складки
50 Умѣетъ освѣжить слезами, лишь она.

Она смугла, блѣдна иль рыжая?—Не знаю.
Какъ имя?—Ахъ, оно нѣжнѣй, чѣмъ имена
Всѣхъ тѣхъ, кого я зналъ, когда былъ близокъ раю!

Въ манящемъ голосѣ она таитъ одна
55 Всѣ звуки голосовъ, отторгнутыхъ утратой,
И тихій взоръ ея подобенъ взору статуй.

О ФОРТЫ.

Посвящено Франсуа Коппе.

ПАРИЖСКОЕ КРОКИ.

Луна на стѣны налагала пятна
Угломъ тупымъ.
Какъ цифра пять, согнутая обратно,
60 Вставаль надъ острой крышей черный дымъ.

Томился вѣтеръ, словно стонъ фагота.
Былъ небосводъ
Безцвѣтно сѣръ. На крышѣ звалъ кого-то,
Мяуча жалобно, иззябшій котъ.

65 А я,—я шель, мечтая о Платонѣ,
Въ вечерній часъ,
О Саламинѣ и о Мараѳонѣ...
И синимъ трепетомъ мигаль мнѣ газъ.

2.

МАРИНА.

Океанъ сурово
Бьетъ глухой волной
Подъ нѣмой луной,—
Бьетъ волною снова.

Въ буряхъ небесахъ,
Злобный и могучій,
Разрѣзаетъ тучи
Молніи зигзагъ.

Каждая волна,
Въ буйствѣ одичаломъ,
Бьетъ по острымъ скаламъ,
Рветъ, встаетъ со дна.

Машетъ въ отдаленьи
Ураганъ крыломъ,
И грохочетъ громъ
Въ грозномъ изступленьи.

В П Е Ч А Т Л Ъ Н І Е Н О Ч И .

Дождь. Сумракъ. Небеса подернуты и хмуры.

70 Рисуются вдали невѣрныя фигуры

И башенъ и церквей готическихъ. Кругомъ
Равнина. Висѣлицы черный шестъ. На немъ
Качаются тѣла, въ какомъ-то танцѣ дикомъ,
Всѣ скорчены. Имъ грудь клюютъ, съ зловѣщимъ крикомъ,

75 Вороны. Ноги ихъ—пожива для волковъ.

Терновникъ высохшій да нѣсколько кустовъ
Позоръ своей листвы, унылой и корявой,
На фонѣ сумрачномъ вздымаютъ слѣва, справа.

И трехъ колодниковъ, поникшихъ головой,

80 Босыхъ, измученныхъ, ведетъ сквозь дождь конвой,
И тусклый блескъ горитъ на сабляхъ обнаженныхъ,
На перекоръ струямъ небеснымъ наклоненныхъ.

ГРУСТНЫЕ ПЕЙЗАЖИ.

Посвящено Катюлю Мендесу.

ЗАКАТЪ.

Вечерняя даль
Румянцемъ объята,
85 На поле печаль
Струится заката.
Струится печаль
О бывшемъ когда-то...
Кого-то мнѣ жаль
90 Подъ пѣсною заката.
И движется рядъ
Багряныхъ видѣній,
Встаютъ и скользятъ
Ихъ странныя тѣни,
95 Встаютъ и скользятъ,
Въ причудливой смѣнѣ,
И въ алыи закатъ
Уходятъ ихъ тѣни.

Грустные пейзажи.

5.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГУЛКА.

На западъ гасли закатныя чары,
100 И вѣтеръ качалъ на водѣ неньюфары;
Большіе цвѣты, у глухихъ береговъ,
Печально бѣлѣли среди тростниковъ.
Я шель одиноко, въ тоскѣ, молчаливый,
Вдоль пруда, гдѣгнулись надъ водами ивы,
105 Вставая, качался неясный туманъ,
Какъ призракъ молочный, фантомъ-великанъ,
И гдѣ-то кричалъ коростель, и въ безсильи
По воздуху хлопали слабыя крылья...
Я шель одиноко вдоль сумрачныхъ ивъ,
110 И, саваномъ плотнымъ всё дали закрывъ,
Туманъ поглотилъ и закатныя чары,
И зыби пруда, и въ водѣ неньюфары,
Большіе цвѣты у глухихъ береговъ,
Бѣлѣвшіе грустно среди тростниковъ.

3.

ОСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

115 Долгія пени
 Скрипки осенней,
 Зовъ неотвязный,
 Сердце мнѣ ранять,
 Думы туманять,
 120 Однообразно.

Сплю, холодѣю,
 Вздрогнувь, блѣднѣю
 Съ боемъ полночи.
 Вспомнится что-то.
 125 Все безъ отчета
 Выплачуть очи.

Выйду я въ поле.
 Вѣтеръ на волѣ
 Мечется, смѣлый.
 130 Схватить онъ, бросить,
 Словно уносить
 Листъ пожелтѣлый.

ИЗЪ КНИГИ

FÊTES GALANTES

(ИЗЫСКАННЫЯ ПРАЗДНЕСТВА)

(1869 г.)

ПОСВЯЩЕНО ФЕЛИСЬЕНУ ШАНСОРУ.

ИЗЫСКАННЫЯ ПРАЗДНЕСТВА.

1.

СІЯНІЕ ЛУНЫ.

Къ вамъ въ душу заглянувъ, сквозь ласковые глазки,
Я увидалъ бы тамъ изысканный пейзажъ,
Гдѣ бродятъ съ лютнями причудливыя маски,
Съ маркизою Пьерро и съ Коломбиной пажъ.

Поютъ они любовь и славятъ сладострастье,
Но на минорный ладъ звучитъ напѣвъ струны,
И, кажется, онѣ не вѣрятъ сами въ счастье,
И пѣсня ихъ слита съ сіяніемъ луны,

Съ сіяніемъ луны, печальнымъ и прекраснымъ,
Въ которомъ, опьяненъ, имъ соловей постъ,
И плачется струя, въ томленіи напрасномъ,
Блестящая струя, спадая въ водометь.

2*

2.

ПАНТОМИМА.

185 Пьерро ужъ покончилъ съ бутылкой,
Паштетъ уплетаетъ онъ пылко,
И что ему прежній Клитандръ!

Въ аллеѣ, у дальней березы,
О бѣдномъ племянникѣ слезы
190 Платкомъ отираетъ Кассандръ.

Идея пришла Арлекину
Похитить свою Коломбину,
И скачетъ онъ весело вновь.

А та въ изумленіи слышитъ,
195 Что вѣтеръ любовію дышитъ,
Что въ сердцѣ смѣется любовь.

4.

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ЧАСЪ.

Луна ала на темныхъ небесахъ;
Качается туманъ; лугъ холодѣеть
И спить въ дыму; въ зеленыхъ тростникахъ
Лягушка квакаетъ; прохлада рѣетъ.

Закрылись чаши лилій водяныхъ;
Рядъ тополей въ нѣмой дали туманенъ;
Прямыхъ и стройныхъ, —призраковъ ночныхъ;
Блескъ свѣтляковъ, надъ ивняками, страненъ.

Проснулись совы; то впередъ, то прочь,
На тяжкихъ крыльяхъ, летъ безшумный, мѣрный
Свершаютъ; у зенита свѣтъ невѣрный,
И, бѣлая, Венера всходитъ: ночь!

КАПРИЗЫ.

Посвящено Анри Винтеру.

ЖЕНЩИНА И КОШКА.

145 Она играла съ кошкой. Странно,
Въ тѣни, сгущавшейся вокругъ,
Вдругъ очеркъ выступалъ неожиданно
То бѣлыхъ лапъ, то бѣлыхъ рукъ.

150 Одна изъ нихъ, сердясь украдкой,
Ласкалась къ госпожѣ своей,
Тая подъ шелковой перчаткой
Агаты безжалостныхъ когтей.

155 Другая тоже злость таила,
И звѣрю улыбалась мило...
Но Дьяволъ здѣсь былъ, ихъ храня.

И въ спальнѣ темной, на постели,
Подъ звонкій женскій смѣхъ, горѣли
Четыре фосфорныхъ огня.

12

~~2.~~

Л Ъ В И Ц А .

160 Она изъ тѣхъ, предъ кѣмъ святыя согрѣшати,
Кто стараго судью смутитъ при первой встрѣчѣ.
Вотъ говорить (—зубовъ сверкаетъ бѣлый рядъ—)
И русскій выговоръ есть въ итальянской рѣчи!

170 Въ ея глазахъ лазурь оправлена въ эмаль,
Какъ бриллиантъ они, и твердый и холодный.
175 Огонь ея грудей, ланить ея хрусталь,
И кожи блескъ—ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ не сходны!

И Клеопатра-рысь, и кошечка Нинонъ
Предъ красотой ея торжественной—лишь тѣни.
Надменный „свѣтъ“ давно ея призналъ законъ.

170 И надобно одно: иль, преклонивъ колѣни,
Молиться передъ ней, въ восторгѣ неземномъ,
Иль прямо по лицу ея хлестнуть бичомъ!

Э.

ГЕОРГИНЪ.

175
Владычица толпы, чьи взоры съ поволокой
Обходятъ медленно свой кругъ, какъ у вола;
Твой полный станъ блеститъ, какъ твердая скала.

Ты—пышный, сочный цвѣтъ, не пахнущій, высокій,
И тѣла твоего проникнуты черты
Непогрѣшимостью спокойной красоты.

140
Пусть тѣла запахомъ другія насъ пьянятъ!
Гдѣ ты, тамъ никакой не вѣетъ ароматъ.
Ты царствуешь, Кумиръ, не слыша оиміама.

Такъ георгинъ,—король, одѣтый въ багрянецъ,
Среди жасминныхъ купъ, вздымаетъ свой вѣнецъ,
Благоуханій чуждъ, безъ гордости, но прямо.

3.

НА ТРАВЪ.

— Аббатъ, ты мелешь вздоръ!—Маркизь,
Ты свой парикъ напялилъ худо!

— Дитя, ты краше всѣхъ актрись,

200 А кипрское сегодня — чудо!

— Моя любовь... — До, ре, ми, соль...

— Смотри, аббатъ, не все стерплю я!

— Ахъ, для тебя, дитя, позволь,

Вотъ эту звѣздочку сорву я.

201— Когда бъ я былъ собачкой самъ...

— О, мракъ, мечтамъ благопріятствуй,
Позволь обнятьъ любезныхъ дамъ...

— Какъ смѣли вы...—Ба, мѣсяць, здравствуй!

~~4.~~

РАКОВИНЫ.

210 Всѣмъ раковинамъ, украшавшимъ гротъ,
Гдѣ мы съ тобой встрѣчались по условью,
Въ моихъ мечтахъ приходитъ свой чередъ.

Одна изъ нихъ, окрашенная кровью,
Воспроизводитъ пламенный порывъ,
Когда вдвоемъ пьянѣемъ мы любовью.

215 Другая, розовое съ бѣлымъ сливъ,
Напоминаетъ мнѣ твою усталость,
Когда я насмѣхаюсь, счастье скрывъ.

220 У третьей есть изящество и малость
Твоихъ ушей; та, словно грудь, блѣдна;
У этой—губъ ласкающая алость.

Но все жъ меня смущала лишь одна.

~~В.~~

X
в ъ ти ши.

Здѣсь, гдѣ сумракъ словно дымъ,
Подъ навѣсомъ изъ вѣтвей, —
Мы молчаньемъ упоимъ
215 Глубину любви своей.

Наши души и сердца,
И волненье нашихъ сновъ
Мы наполнимъ до конца
Миромъ сосенъ и кустовъ.

220 Ты смежишь глаза въ тѣни,
Руки сложишь на груди...
Все забудь, все отгони,
Что манило впереди.

235 Пусть насъ нѣжно убѣдить
Легкій вѣтеръ, что порой,
Пролетая, шелеститъ
Порыжѣлою травой.

240 И когда съ дубовъ нѣмыхъ
Вечеръ, строго, ниспадетъ,
Голосъ всѣхъ скорбей земныхъ,
Соловей намъ запоетъ.

Съездились въ паркѣ вѣтеръ выль осенній,
Съездились въ паркѣ тихо шли двѣ тѣни.

Ихъ губы скорбны, мертвень блескъ зрачковъ,
Чуть слышенъ лепеть ихъ печальныхъ словъ.

Въ старинномъ паркѣ вѣтеръ выль осенній.

О прошломъ въ паркѣ лепетали тѣни.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

Въ старинномъ паркѣ вѣтеръ выль осенній.

Въ старинномъ паркѣ тихо шли двѣ тѣни.

245 Ихъ губы скорбны, мертвень блескъ зрачковъ,
Чуть слышенъ лепеть ихъ печальныхъ словъ.

Въ старинномъ паркѣ вѣтеръ выль осенній.

О прошломъ въ паркѣ лепетали тѣни.

— Ты наше счастье помнишь ли, въ быломъ?

250 — Зачѣмъ я буду вспоминать объ немъ?

— О, мигъ единственный былъ нами прожить,
Когда въ лобзаны мы слились.—Быть можетъ.

— На голосъ мой дрожишь ли ты въ отвѣтъ?
Всегда ль меня ты въ грезахъ видишь?—Нѣтъ.

255 — Цвѣла надежда, было небо сине.
— Надежды нѣтъ, и мы вдвоемъ въ пустынь.

Такъ шли они межъ зыблемыхъ овсовъ,
И только ночь внимала звукамъ словъ.

ИЗЪ КНИГИ

LA BONNE CHANSON

(МИЛАЯ ПЪСЕНКА)

(1870 г.)

3.

~~Отъ лампы свѣтлый кругъ; мерцанье камелька;
Мечтанья скромныя, съ рукою у виска,
Со взоромъ, тонушимъ, любимый взоръ встрѣчая;
Часы закрытыхъ книгъ, дымящагося чая;
Усталость сладкая; сознание, что день
Уже пришелъ къ концу, что кротко будетъ тѣнь
До утра сторожить у брачнаго алькова...
Объ этомъ грезилъ я, и сладко грежу снова,
Черезъ отсрочки все несу я пылкій хмѣль,
Сердце на мѣсяцы, на тихій ходъ недѣль!~~

21

X

~~4.~~

Гуль полныхъ кабаковъ; грязь улицы; каштана

260

Лысѣющаго листь, увядшій слишкомъ рано;

Желѣза и людей скрежещущій хаосъ,—

Громадный омнибусъ, межъ четырехъ колесъ

Сидящій плохо, взоръ, то алый, то зеленый,

Вращающій кругомъ; рабочій утомленный,

265

Городовому въ носъ пускающій свой дымъ

Изъ трубки; съ крышъ капель; невѣрный по сырымъ

Каменьямъ шагъ; асфальтъ испорченный; по краю

Потоки грязные;—и это—путь мой къ раю!

5.

Такъ это будетъ въ лѣтній день. Въ тотъ часъ
Горящій полдень, радуясь со мною,
Межъ шелка и атласа съ кисеею,
Еще прекраснѣй мнѣ покажетъ васъ.

И синій небосводъ, какъ ткань въ палаткахъ,
Надъ нами, поблѣднѣвшими тогда
Отъ счастья, ожиданья и стыда,
Вдругъ задрожитъ въ роскошныхъ, длинныхъ складкахъ.

Настанетъ вечеръ; всѣхъ маня ко сну,
Коснется вѣтеръ свадебной вуали,
И звѣздъ привѣтный взоръ изъ темной дали
Поздравитъ тихо мужа и жену.

~~6.~~

210 [Одинъ, дорогою проклятой,
Я шель, не вѣдая куда...
Теперь твой обликъ—мой вожатый!

Разсвѣта вѣстница, звѣзда,
Едва замѣтная, бѣлѣла...
Зарю зажгла ты навсегда!

215 [Мой только шагъ въ равнинѣ цѣлой
Звучаль, и даль пуста была...
Ты мнѣ сказала: „Дальше, смѣло!“

220 Я изнывалъ подъ гнетомъ зла
Душой пугливой, сердцемъ темнымъ...
Любовь предстала и слила

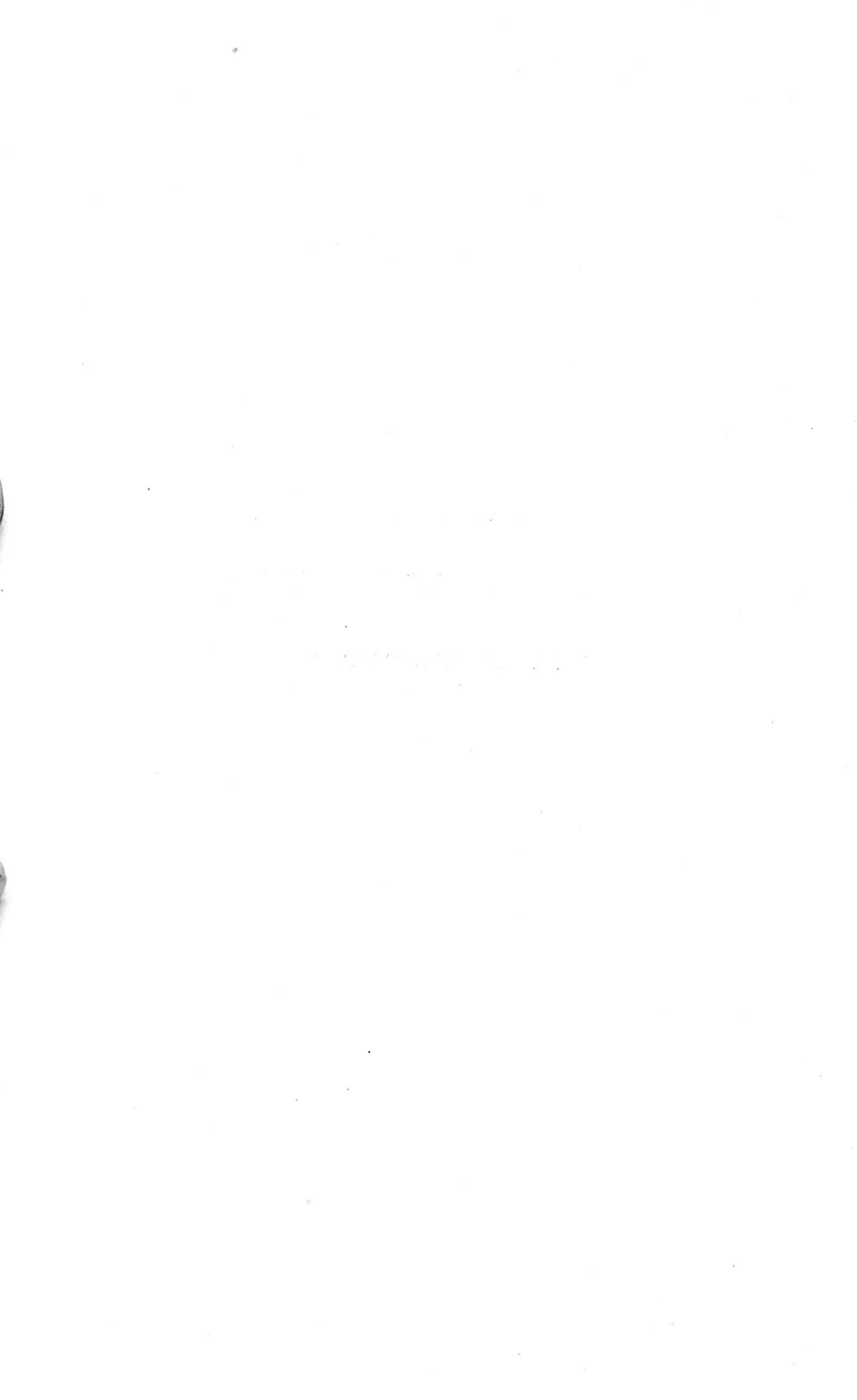
Насъ въ счастья страшномъ и огромномъ!

ИЗЪ КНИГИ

ROMANCES SANS PAROLES

(РОМАНСЫ БЕЗЪ СЛОВЪ)

(1874 г.)

2.

Il pleut doucement sur la ville.
Arthur Rimbaud.

Небо надъ городомъ плачетъ,
Плачетъ и сердце мое.
Что оно, что оно значитъ,
Это унынье мое?

И по землѣ и по крышамъ
Ласковый лепетъ дождя.
Сердцу печальному слышенъ
Ласковый лепетъ дождя.

Что ты лепечешь, ненастье?
Сердца печаль безъ причинъ...
Да! ни измѣны, ни счастья,—
Сердца печаль безъ причинъ.

Какъ-то особенно больно
Плакать въ тиши ни о чемъ.
Плачу, но плачу невольно,
Плачу, не зная о чемъ.

3.

Son joyeux, importun d'un clavecin sonore.
Pétrus Borel.

Цѣлуетъ клавиши прелестная рука;
И въ сѣромъ сумракѣ, немного розоватомъ,
Онѣ блестятъ; напѣвъ, на крыльяхъ мотылька,
285 (О, пѣсня милая, любимая когда-то!)
Плыветъ застѣнчиво, испуганно слегка,—
И все полно ея пьянящимъ ароматомъ.

И вотъ я чувствую, какъ будто колыбель
Баюкаетъ мой духъ, усталый и скорбящій.
290 Что хочешь отъ меня, ты, пѣсни нѣжный хмѣль?
И ты, ея припѣвъ, неясный и манящій,
Ты, замирающій, какъ дальняя свирѣль,
Въ окнѣ, растворенномъ на садъ вечерній, спящій?

5.

Соловью, который съ высоты вѣтки
глядится въ рѣку, кажется, что онъ
упалъ туда/Сидя на вершинѣ дуба, онъ
боится утонуть.

Сирано де Бержеракъ.

Деревьевъ тѣнь въ водѣ, подь сумракомъ сѣдымъ,
Расходится какъ дымъ.
Тогда какъ въ высотѣ, съ дѣйствительныхъ вѣтвей,
Рыдаетъ соловей.

И путникъ, заглянувъ къ деревьямъ блѣднымъ,—тамъ
Блѣднѣетъ странно самъ,
А утонувшія надежды и мечты
Рыдаютъ съ высоты.

24
БЕЛЬГИЙСКІЕ ПЕЙЗАЖИ.

«Conquestes du Roy».
Старинные эстампы.

X 1.
ВАЛЬКУРЪ.

275 Кирпичъ, черепица,
О, потаенныхъ
Уголковъ вереница
Для сердець влюбленныхъ!

300 Виноградъ и хмѣли,
Цвѣты и вѣтки,
Уюты веселій,
Живыя бесѣдки!

305 Кабачковъ услады,
Шумъ и пиво,
Лукавые взгляды
Служанки красивой.

Близость вокзала
И дорогъ безконечныхъ...
Иль этого мало
Для Агасеровъ безпечныхъ!

2.

ШАРЛЕРУА.

310 Кобольдовъ прячетъ
Зеленый дрокъ.
Чу! вѣтерокъ
Какъ будто плачетъ.

Чѣмъ вдругъ запахло?
315 Шумить овесъ,
И кустъ до слезъ
Бьетъ вѣткой чахлой.

Глядитъ чуланомъ
Здѣсь каждый домъ;
320 И все кругомъ
Въ дыму багряномъ.

Вокзаловъ скрежетъ
Со всѣхъ сторонъ.
Взоръ изумлень:
325 Весь городъ гдѣ же?

Поль Верленъ.

Пронесся быстро
Упорный стукъ,
Какъ будто звукъ
Большого систра.

330 Притонъ работы,
Твой обликъ дикъ!
Металла крикъ
И запахъ пота!

335 Кобольдовъ прячетъ
Зеленый дрокъ.
Чу, вѣтерокъ
Какъ будто плачетъ.

Но мнѣ еще, еще милѣй
Ея уста,—пѣтки лилей,—
Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ ней!

Спляшемъ жигу!

Я не забылъ, я не забылъ,
Какъ былъ любимъ, какъ самъ любилъ,
И тѣмъ живу, какъ прежде жилъ!

Спляшемъ жигу!

~~И.~~

На улицъ, въ оправъ тѣсной,
Рѣка, возникшая чудесно
340 За пятифутовой стѣной!
Въ предмѣстьи мирномъ, ты не быстро,
Безъ шума протекаешь—чистой,
Но не прозрачною струей.

Шоссе широко, и, безмолвны,
345 Желты, какъ мертвый обликъ, волны
Одинъ туманъ лишь отразятъ,
Въ тотъ даже часъ, когда, вставая,
Заря сіяетъ, зажигая
Котеджей черно-желтый рядъ.

28

~~4.~~

CHILD WIFE. (ЖЕНА-РЕБЕНОКЪ).

350 Нѣтъ, простоты моей вы не могли понять,
Не то вамъ было надо!
И вы, наморщивъ лобъ, спѣшили убѣжать,
Съ упрямствомъ и досадой.

355 И взоръ, который могъ лишь нѣжность отражать,
Быть зеркаломъ лазури,
Вдругъ, гнѣвомъ омрачась,—мнѣ больно вспоминать,—
Горѣлъ, какъ небо въ бурѣ.

360 И маленькой рукой грозили гнѣвно вы,
Какъ богатырь могучій,
И крики злобные сжимали грудь,—увы!—
Вамъ, слитой изъ созвучій!

Но какъ боялись вы сердечныхъ бурь и грозъ,
Въ душѣ еще ребенокъ!
И съ вашей матерью роптали вы межъ слезъ,
365 Какъ блеющий ягненокъ.

Нѣтъ, вы не поняли любви и честь и свѣтъ,
Любви простой и милой,
Спокойной въ радостяхъ, веселой въ пору бѣды,
И юной до могилы!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

30

370 Мнѣ встрѣтился рыцарь Несчастье, что скачетъ и ночью и днемъ,
Въ молчаньи, подъ тяжкимъ забраломъ: онъ сердце пронзилъ мнѣ
копьемъ.

Мгновенно изъ ветхаго сердца кровь брызнула алой струей,
Цвѣты оросила, и, съ солнцемъ, потомъ испарилась росой.

375 Но мракъ отуманилъ мнѣ очи, но стонъ мой до устъ не достигъ,
И умерло ветхое сердце во мнѣ, въ тотъ мучительный мигъ.

Таинственный рыцарь Несчастье спрыгнулъ съ вороного коня,
Рукою въ желѣзной перчаткѣ онъ властно коснулся меня.

Я чувствовалъ твердые пальцы, проникшіе въ рану мою,
А голосъ, суровый и строгій, меня призывалъ къ бытію.

380 И вотъ, подъ холоднымъ давленьемъ руки, облеченной въ металлъ,
Въ груди моей сердце воскресло, и трепеть по мнѣ пробѣжалъ.

Да! юное, чистое сердце, блестя неземной бѣлизной,
Забилось свободно и гордо для жизни безвѣстной, иной.

3 4 5 Еще я дрожалъ, опьяненный, еще я повѣрить не могъ,
Какъ всякій, кто видитъ видѣнье, съ кѣмъ явно бесѣдуетъ Богъ.

А рыцарь съ закрытымъ забраломъ, поспѣшно вспрыгнулъ на коня,
И сдѣлалъ мнѣ знакъ, удалясь, мгновенье глядѣлъ на меня.

И крикнулъ мнѣ голосомъ страшнымъ (я слышу еще этотъ громъ):
„Мой первый завѣтъ: повинуйся! что дальше, узнаешь потомъ!“

ИЗЪ КНИГИ

SAGESSE

(МУДРОСТЬ)

(1881 г.)

ПОСВЯЩЕНО ПАМЯТИ МАТЕРИ.

29

2.

390 — Что скажешь, путникъ, ты про страны и вокзалы?
 Собралъ ли скуку ты (она давно зрѣла),
 Плохой сигары дымъ пускающій, усталый,
 Ты, чья нелѣпо тѣнь на стѣну налегла?

Ахъ, послѣ всѣхъ дорогъ, твой взоръ все также мраченъ,
 345 Твоя усмѣшка та жъ, та жъ грусть въ лицѣ твоёмъ:
 Такъ мѣсяцъ, между мачтъ, попрежнему прозраченъ,
 Такъ море старое все то же, съ новымъ днемъ.

Такъ кладбище все то жъ, хотя могилы новы!
 Но Расскажи намъ то, что видно и безъ словъ:
 460 Разочарованность твоей души; суровый
 И горькій приговоръ мечтамъ былыхъ годовъ!

И ужась не забудь дней, сердце истомившихъ:
 Зла—всюду, и Уродствъ—вездѣ, на всѣхъ путяхъ;
 Политики позоръ, и стыдъ Любви, залившихъ
 465 Потоками чернилъ кровь на своихъ рукахъ.

И не забудь себя: какъ грузъ своихъ безсилій,
Всей слабости своей, всей простоты своей
Ты влекъ на поле битвъ, гдѣ бились, гдѣ любили,
Безумнѣй—что ни день, и что ни день—грустнѣй!

410 Вполнѣ ль наказанъ ты за глупую наивность?
Что скажешь?—Люди злы.—А женщины? О, кто жъ
Пилъ влагу слезъ твоихъ? Съ кѣмъ зналъ ты неразрывность
Судьбы? И ласка чья не оказалась ложь?

415 Какъ ты довѣрчивъ былъ! какъ грубой лести вѣрилъ!
Ты помнишь ли, какъ ты мечталъ когда-то самъ
О смерти сладостной?—Теперь ты скорбь измѣрилъ.
О, ангель, падшій ницъ, конецъ твоимъ мечтамъ!

420 Куда жъ теперь пойдешь? скажи о новыхъ планахъ?
Иль, столько плакавши, ты весь душой размякъ?
По твердости коры мы судимъ о каштанахъ,
А какъ унылъ твой видъ, какъ твой невѣренъ шагъ!

425 Такъ чѣмъ же будешь ты? идиликкомъ усталымъ,
На небо глупое глядящимъ сквозь окно
Глазами демона и взоромъ одичалымъ?
Не это значить ли—совсѣмъ упасть на дно?

Довольно ли съ тебя такой простой развязки
Романа? Кто другой (смышленѣй, можетъ быть,)
За скрипки заплативъ, хотѣлъ бы видѣть пляски,
И не боялся бы прохожихъ раздражить.

34
65

430 Поройся въ уголкахъ своей души. Нельзя ли
Оттуда выхватить блистательный порокъ,
Красивый, дерзностный, какъ саблю доброй стали,
И въ небо устремить сверкающій клинокъ?

Быть можетъ, не одинъ, а нѣсколько? Отлично!

435 Иди же на войну, и безъ разбора всѣхъ
Рази! личиной скрывъ безопасности приличной
Неутоленный гнѣвъ и безнадежный смѣхъ!

Не надо быть глупцомъ въ сей жизни пустозвонной,
Гдѣ въ счастья ничего плѣнительнаго нѣтъ,

440 Безъ грезъ порочности, немного извращенной!
И зломъ за зло платить,—да будетъ твой завѣтъ!

— Людская мудрость? ахъ! мечты инымъ согрѣты!
Въ томъ прошломъ, что сейчасъ ты мнѣ изобразилъ,
Давая горькіе и строгіе совѣты,—

445 Я помню лишь то зло, что самъ я совершилъ!

Изъ всѣхъ случайностей моей бродячей жизни,
Изъ всѣхъ жестокихъ „бѣдъ“, изъ всѣхъ моихъ дорогъ,
Изъ голосовъ вражды и злобной укоризны,
Я помню лишь одно—какъ милосердъ былъ Богъ!

450 Мои мученія всѣ были справедливы,
Никто не виноватъ, что лиль я много слезъ,
Но, можетъ быть, и я познаю въ день счастливый
Прощеніе и миръ, что всѣмъ даетъ Христось!

Да, жалко быть глупцомъ въ сей жизни преходящей,
455 Но лучше въ вѣчности вѣнецъ свой заслужить,
И намъ гласить законъ единый, настоящій:
Не зломъ за зло платить, но всѣхъ и все любить!

3.

Обманчивые дни весь день, весь день горѣли;
Заката на мѣди теперь они дрожать.

465 Закрой глаза, душа, довольно мы смотрѣли!

О, искушенія! #они насъ сторожатъ.

Весь день, весь день они горѣли безпощадно,

Сжигая виноградъ на склонахъ, подъ горой

Хлѣба созрѣвшіе, и опаляя жадно

465 Небесную лазурь, что пѣла надъ тобой.

О, поблѣднѣй, душа, иди, ломая руки.

Ужели тѣ „вчера“ святому „завтра“ вновь

Грозятъ? Безумія ужели живы муки?

Воспоминанія убей, убей, Любовь!

470 О, грозный приступъ зла! послѣдній, безъ сомнѣнья?

Иди, душа, молись! молись до изступленья!

34
68

Поль Верланъ.

~~4.~~

Жизнь скромная, съ ея нетрудными трудами!
Въ ней цѣлый подвигъ есть,—служеніе любви!
Веселымъ быть, слѣдя все тѣ же дни за днями,
475 Быть сильнымъ, чувствуя, что гаснетъ жаръ въ крови!

Знать, слышать въ городахъ, межъ всѣми голосами,
О Боже! лишь одно: колокола твои,
И, повинуюсь самъ велѣнію: „живи!“
Свой голось смѣшивать съ гудящими волнами.

480 Съ желаньемъ каяться—межъ грѣшниками жить.
Любить молчаніе—и безконечно длить
Терпѣнія часы, здѣсь, въ жизненной пустынѣ,

Сомнѣнья дѣтскія раскаяній живыхъ,
И тщетныя мечты о радостяхъ святыхъ...
485 — „Прочь!“ ангель говоритъ, „все доводы гордыни!“

5.

Прислушайтесь къ пѣсенкѣ нѣжной,
Что плачетъ, чтобъ быть вамъ желанной!
Она и легка и небрежна:
По мху ручеекъ неустанный.

490 Вамъ голосъ знакомъ (и немного
По сердцу?), но онъ подъ вуалью:
Вдова, что томится печалью,
Но держится гордо и строго

495 И въ складкахъ печальной одежды,
Дрожащей подъ лаской осенней,
Мелькаетъ (звѣзда среди тѣней)
Лучъ Истины, отблескъ Надежды!

500 Вновь узанный голосъ внушаетъ,
Что жить можно лишь Добротою,
Что, волей свершенное злою,
Лишь явится смерть, пропадаетъ.

39
70

Поль Верленъ.

Еще говоритъ онъ о славѣ:
О радости быть неизвѣстнымъ,
О счастья великомъ, чудесномъ—
Жить въ мирѣ, не мысля о славѣ.

Прислушайтесь къ пѣснѣ, твердящей
Упорно—наивныя грезы:
Что можетъ быть лучше и слаше,
Какъ чьи-нибудь высушить слезы!

100 Какъ ангель она свѣтлокудрый,
Страдая, молчитъ про упреки...
И какъ ея просты уроки!
Прислушайтесь къ пѣсенкѣ мудрой!

40

О Гордость! Мощный крикъ, валторны зовъ глухой,
578 Огни кровавыхъ звѣздъ на бронѣ золотой...
Шатаешься, огнемъ и дымомъ опьяненный...
О Гордость! Мощный крикъ, валторны зовъ глухой!

О Ненависть! О звонъ надъ моремъ, заглушенный
Въ снѣгу. Такъ холодно. Безсильный, утомленный,
521 Пугаешься, бѣжишь на пристань. Въ тишинѣ
Тамъ молкнетъ колоколь, далекій, заглушенный.

О Страсть! О странный шумъ, неясный, какъ во снѣ.
Всѣ пьяны. Кажется, имъ весело вполнѣ.
Глаза, и имена, и бредъ духовъ банальныхъ,
525 Въ которомъ гаснетъ шумъ, неясный, какъ во снѣ.

• О Зависть! Рядъ тѣней—въ туманѣ. Рядъ вѣнчальныхъ
Кортежей. Тысячи—препятствій. Кругъ печальныхъ
Трудовъ: весь пышный циркъ движеній мировыхъ!
Подъ тихій скрипокъ звукъ, подъ гулъ пировъ вѣнчальныхъ.

41
Поль Верланъ.

530 О Гнѣвъ! Угрюмый стонъ! О Скорбь о дняхъ бы-
лыхъ!

О Искушеніе!—Быль долженъ слышать ихъ

И я, для глухоты молчанья неземного!

Гнѣвъ, Искушеніе и Скорбь о дняхъ былыхъ!

Умрите, Голоса, чтобъ не воскреснуть снова!

535 Вы—смертны! Вы—мечта! вы—звукъ пустой! вы—слово!

Реторика грѣха! метафоры безъ крыль!

Умрите, Голоса, чтобъ не воскреснуть снова!

Я болѣе не тотъ, какимъ когда-то былъ.

Умрите же во мнѣ, въ нѣмой тиши могиль,

540 Подъ тайныя мольбы души перерожденной!

Я сердцемъ, я душой не тотъ, какимъ я былъ.

Умрите въ голосахъ молитвы умиленной!

Она у райскихъ вратъ стоитъ, какъ стражъ безсонный,

545 И скажетъ въ страшный день: „умри!“ или „живи!“

Умрите въ голосахъ молитвы умиленной

И въ страшныхъ голосахъ ликующей Любви!

Врагъ принимаетъ обликъ Скуки,
И говорить: „Къ чему, мой другъ?“
550 Но я смѣюсь, сжимая руки.
Врагъ принимаетъ обликъ Тѣла,
И шепчетъ: „Посмотри вокругъ,
Вотъ женщина!“ Молчу я смѣло.

Врагъ принимаетъ обликъ новый,
555 Онъ — ангель свѣта, шепчетъ вновь:
„Что твой порывъ, твой постъ суровый,
Предъ тѣмъ, что сердце должно Богу!
Какъ смерть сильна ль твоя любовь?“
Твержу: „Иду я понемногу!“

560 Онъ — логикъ отъ начала свѣта,
Я долженъ обуздать свой умъ,
И не искать ему отвѣта,
Кто это, зная безъ сомнѣнья!
Пусть жизни раздается шумъ,
565 Молиться буду о смиреньи!

УВ
74

Поль Верленъ.

8.

Духъ древности былъ пустъ и грубъ.
Онъ видѣлъ въ таинствѣ страданья
Лишь ужасъ—бездыханный трупъ,
Иль изумленье безъ сознанья.

570 Искусство, что всего полнѣй
Весь мѣръ античный отразило,
Въ двухъ образахъ, двухъ матерей,
Предѣлы скорби воплотило.

575 Вотъ Троя гибнетъ, въ страшный часъ,
И видитъ смерть дѣтей Гекуба...
Что жъ? факель мысли въ ней погасъ,
Она бѣжитъ и лаеетъ грубо.

580 Бѣжитъ по берегу, слюной
Обрызгивая пѣну моря,
Мохнатой, яростной, слѣпой,
Собакой ставшая отъ горя!

Вот стрѣлы мечеть Аполлонъ,
И дѣти никнуть, каменья...
Сдавивъ въ устахъ послѣдній стонъ,
585 Глядитъ безсильно Ниобея.

Глядитъ, вперивъ недвижный взоръ,
Съ безумнымъ жестомъ каменѣть...
И межъ камней она, съ тѣхъ поръ,
Обломкомъ мраморнымъ коснѣть.

590 Духъ христіанства,—онъ великъ:
Страдая, онъ страдаетъ строго,
Онъ мыслить, подавляя крикъ,
И вновь идетъ своей дорогой.

595 Онъ на Голгоѣ могъ стоять,
Въ слезахъ, но безъ тоски звѣриной,
Равно и тамъ стояла Мать,
Но что за Мать! какого Сына!

600 Причастница Его страстей
И жертвы, цѣлый міръ спасавшей,
Она смягчала ихъ Своей
Душой, безмѣрно сострадавшей.

605 И такъ какъ дѣти Ей—все мы,
То изъ груди Ея пронзенной
На этотъ міръ скорбей и тьмы
Любви струится токъ бессонный.

Поль Верлэнъ.

И въ день, что небо въ высотѣ
Разверзнетъ съ края и до края,—
Кто вѣритъ смѣль и могъ, всѣ тѣ,
(Всѣ—одного лишь исключая),

6/0 Къ блаженной жизни въ небесахъ,
Къ Сіону, въ горнія селеня,
Взнесутся тихо на крылахъ
Ея блаженнаго Успеня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

46

1

615 О Боже, Ты меня любовью раниль,
И эта рана вся еще дрожить!
О Боже, Ты меня любовью раниль.

О Боже, Ты меня постигнуль страхомъ,
И слѣдъ ожога—какъ гремящій громъ!
О Боже, Ты меня постигнуль страхомъ.

620 О Боже, я позналь, что все ничтожно,
И слава Божія вошла въ меня!
О Боже, я позналь, что все ничтожно.

О пусть мой духъ въ Твоемъ винѣ утонеть,
Пусть будетъ жизнь—хлѣбъ Твоего стола!
625 О пусть мой духъ въ Твоемъ винѣ утонеть.

Вотъ кровь моя, что я еще не пролилъ,
Вотъ плоть моя, что недостойна мукъ!
Вотъ кровь моя, что я еще не пролилъ.

НЧ
Поль Верленъ.

635 Вотъ лобъ, что долженъ былъ краснѣть всечасно,
Пусть будетъ онъ ступеню ногъ Твоихъ!
Вотъ лобъ, что долженъ былъ краснѣть всечасно.

Вотъ руки, что работать не умѣли,
Пусть еиміамъ и угли въ нихъ горятъ!
Вотъ руки, что работать не умѣли.

635 Вотъ сердце то, что билось понапрасну,
Пусть предъ Голговою и оно дрожитъ!
Вотъ сердце то, что билось понапрасну.

Вотъ ноги, путь свершавшія ненужный,
Пусть поспѣшать на благостный Твой зовъ!
640 Вотъ ноги, путь свершавшія ненужный.

Вотъ голосъ, звукъ неправедный и лживый,
Пусть горькіе упреки онъ твердитъ!
Вотъ голосъ, звукъ неправедный и лживый.

Вотъ взоръ, вперявшійся на заблужденья,
645 Пусть слѣпнетъ онъ въ молитвенныхъ слезахъ!
Вотъ взоръ, вперявшійся на заблужденья.

О Господи! Богъ жертвы и прощенья!
Нѣтъ мѣръ неблагодарности моей!
О Господи! Богъ жертвы и прощенья!

600 О Господи, Богъ святости и страха,
Бездонны пропасти моихъ грѣховъ!
О Господи, Богъ святости и страха.

О Господи, Богъ радости и мира,
Мое невѣдѣнье, мой страхъ—томятъ!
605 О Господи, Богъ радости и мира.

Все это знаешь Ты, все это знаешь,
И то, что я бѣднѣ всѣхъ другихъ!
Все это знаешь Ты, все это знаешь.

Но, что могу, все отдаю Тебѣ!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

X 1.

660 Надежда чуть блеститъ, какъ подъ окномъ солома.
Не бойся: пролетѣль полетомъ пьяный шмель.
Закатные лучи стремятся пылью въ щель.
На руки голову склони, и спи. Ты дома.

665 О бѣдный, бѣдный другъ, испей воды хотя
Холодной. Послѣ спи. Я здѣсь, взгляни: мы двое.
Баюкать буду я, а ты мечтай въ покоѣ
И тихо подпѣвай, какъ малое дитя.

670 Бьетъ полдень. Онъ уснулъ. Изъ жалости уйдите.
Какъ женскіе шаги томительны въ мозгу
Отверженцевъ больныхъ, что грезять о защитѣ!

Бьетъ полдень. О усни! Давно не нужны слезы.
Надежда чуть блеститъ, какъ камень на лугу...
Когда сентябрьскія опять воскреснутъ розы!

2.

Гаспаръ Гаузеръ поетъ:

675 Пришелъ я, скромный сирота,
Богатъ однимъ лишь взоромъ темнымъ,
Туда, гдѣ править суета...
Меня признали слишкомъ скромнымъ!

680 Когда же, въ двадцать лѣтъ, я вновь
Охваченъ былъ инымъ порывомъ,
И женщинамъ принесъ любовь:
Тѣ не нашли меня красивымъ.

685 Я былъ чужой въ своей странѣ,
Я не былъ храбръ,—и все же смѣло
Искалъ я смерти на войнѣ...
И смерть меня не захотѣла!

Родился слишкомъ рано я,
Иль опоздалъ, какой-то чарой?
О глубока тоска моя!
Всѣ, всѣ—молитесь за Гаспара!

X

3.

Огромный, черный сонъ
Смежилъ мнѣ тяжко вѣжды.
Замри, ненужный стонъ,
Усните, всѣ надежды!

Кругомъ слѣпая мгла.
Теряю я сознание,
Гдѣ грань добра и зла...
О, грустное преданье!

Я—словно колыбель.
Ее въ глубокой нишѣ
Качаетъ темный хмѣль:
О тише, тише, тише!

4.

Небосводъ надъ этой крышей
Такъ высокъ, такъ чистъ!
Стройный вязъ надъ этой крышей
Наклоняетъ листь.

Въ небѣ синемъ и высокомъ
Колокольный звонъ.
Чу! на деревѣ высокомъ
Птицы тихій стонъ.

Боже! Боже! все такъ мирно,
Просто предо мной!
Еле слышенъ, тихій, мирный,
Ропоть городской.

— „Что жъ ты сдѣлалъ, ты, что плачешь,
Много, много дней,
Что жъ ты сдѣлалъ, ты, что плачешь,
Съ юностью твоей?“

5.

690
 Законы, числа, краски, ароматы..
 Слова бѣгутъ въ испугѣ, какъ цыплята.
 Рыдая, Тѣло никнетъ на крестѣ.

695
 Нога, ты топчешь грезы, а не травы!
 И зовъ толпы, прельстительно-лукавый,
 Звучитъ вокругъ, въ немолчной суетѣ.

О небо, гдѣ плывутъ надежды наши!
 Цвѣты, что никогда не будутъ чаши!
 Вино, и вдругъ—жестъ проскользнувшей твой!
 Грудь женщины съ ласкающей игрой!

700
 Ночей лѣнивыхъ ложа голубья!..
 — Что этотъ бредъ плѣнительныхъ усладъ?
 Что этихъ пытокъ безконечный рядъ?
 И что—мы, грѣшники, и вы, святые?

6.

70. Охотничій рожокъ рыдаетъ у лѣска,
Печальной жалобой, какъ будто сиротливой.
И молкнетъ этотъ звукъ надъ опустѣлой нивой,
Сливаясь съ лаемъ псовъ и свистомъ вѣтерка.

71. Но вскорѣ новый стонъ звучить издалека...
Не волчья ли душа въ немъ плачется тоскливо?
А солнце за холмомъ, какъ будто бы лѣнливо
Скрывается; кругомъ—и сладость и тоска!

И, чтобъ усилить мигъ подавленной печали,
Вуалью бѣлой скрывъ огни багряной дали,
Какъ нити корпѣи, снѣгъ рѣтетъ на поля;

72. И воздухъ—словно вздохъ осенній, утомленный...
Но кротокъ безъ конца весь вечеръ монотонный,
Въ которомъ нѣжится усталая земля!

7.

О челоѳчества безмѳрность,
Былые дни, благой Отецъ,
720 И вѳрныхъ доблестная вѳрность!—
Путь обрѳтенный, наконецъ!

Здѳсь все громаднѳй и могучѳй,
Чѳмъ однодневка-челоѳкъ,
И черны, какъ завѳсы, тучи,
725 Закрывшѳя идущѳй вѳкъ.

Вожатаю сей жизни грѳшной,
Повиновенью, #+духъ предай!
О, въ полѳ, вспаханномъ успѳшно,
Единой Церкви урожай!

8.

780 Прекраснѣ море,
Чѣмъ наши соборы,
На вольномъ просторѣ
Немолчные хоры,
Могучей стихіи—
785 Гимнъ Дѣвѣ Маріи!

То яростный громъ,
То нѣжный напѣвъ,
Сливаются въ немъ++
Прощенье и гнѣвъ.
790 Въ безмѣрности водъ
Ни думъ, ни заботъ.

О! ты терпѣливо
И въ бурѣ мятежной!
Поешь ты призывы
795 Такъ вкрадчиво-нѣжно:
„Кто чуждъ упованій,
Умри безъ страданій!“

Поль Верленъ.

Средь пѣсень земныхъ
Нѣтъ пѣсни милѣй
750 Стальныхъ, голубыхъ,
Зеленыхъ зыбей.
Твое торжество —
Прекраснѣй всего!

9.

755 То—празднество хлѣбовъ, то—свѣтлый праздникъ хлѣба,
Въ моей родной странѣ, что вновь я увидалъ!
Природа, люди, шумъ, въ потокахъ свѣта съ неба,
Столь ярко-бѣлаго, что тѣни отсвѣтъ—аль!

И зерно

760 Колосевъ золото подъ взмахомъ косъ ложится,
И отражаетъ блескъ мелькающая сталь.
Людьми покрытая, спѣшить перемѣниться
И новый ликъ принять ликующая даль.

765 Все—впопыхахъ, все вокругъ—усилье и движенье,
Подъ солнцемъ, что палить сноповъ встающій рядъ,
И, неустанное, на склонахъ, въ отдаленьи,
Вливаетъ сладкій сокъ въ зеленый виноградъ.

90
Поль Верленъ.

Трудись, о солнце, лей на гроздя и на нивы
Свой свѣтъ! людей пои ты молокомъ земли,
И въ чашахъ имъ давай забвенья мигъ счастливый!
Жнецы! работники! вы счастье обрѣли!

770 Не явно ль съ вами Богъ, въ трудѣ большомъ и мѣрномъ,
И въ виноградникѣ, и на поляхъ съ серпомъ?
Сбираетъ Онъ, Онъ жнетъ, распредѣляя вѣрнымъ
И Плоть и Кровь Свою, въ причастіи святомъ!

ИЗЪ КНИГИ

JADIS ET NAGUÈRE

(КОГДА-ТО И НЕДАВНО)

(1884 г.)

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Посв. Жермэну Нуво.

На узкой улицѣ, въ томъ городѣ Мечты,
775 То будетъ—словно сонъ, ужъ снившійся однажды.
И будетъ смутно все, но четокъ образъ каждый...
О солнце алое въ туманѣ, это—ты!

Въ лѣсу призывный крикъ! надъ моремъ о спасенны
Вопль! и невѣдомо—откуда онъ и чей.
780 И будетъ все инымъ, чѣмъ было въ жизни всей.
Быль рядъ метампсихозъ: настало пробужденье.

На узкой улицѣ, въ томъ городѣ Мечты,
Шарманки будутъ пѣть несдержанныя пляски,
Толпами побѣгутъ, брэнча на лютняхъ, маски,
785 Въ кафе, на столикахъ, усядутся коты.

Все будетъ роковымъ, какъ въ часъ послѣдней—смерти.
И будешь плакать ты потокомъ горькихъ слезъ,
И будешь хохотать подъ грохоты колесъ,—
И будутъ прыгать вокругъ насмѣшливые черти.

59
94

Поль Верленъ.

79 О старья слова,—букеты розъ былыхъ!
А, въ шумѣ праздника и уличнаго бала,
Старухи страшныя появятся, устало
Влача черезъ толпу своихъ дѣтей больныхъ.

795 И встануть старики, лохмотьями одѣты,
Болячки бѣлыя осеребрятъ имъ бровь...
Но, въ запахѣ мочи, болтая про любовь,
Всѣ будутъ танцовать, пуская въ высь ракеты!

801 Все будетъ словно сонъ, что только-что прошелъ,
Какъ пробужденіе, какъ сонъ ужасный снова,—
Все межъ однихъ кулись, какъ жажда сна иного:
Травы, лѣсныхъ полянъ, жужжанья пьяныхъ пчелъ!

2.

ХРОМОЙ СОНЕТЪ.

Посв. Эрвесту Делаз.

О нѣтъ! во-истину, все это слишкомъ больно!
Несчастливымъ можно ль быть, какъ я, какъ я теперь?
Здѣсь умираю я, какъ бѣдный, жалкій звѣрь,
805 А зрители кругомъ безпечны и довольны!

О городъ Библіи! О Лондонъ! Дымъ, шумъ, адъ,
И газъ мерцающій, и вывѣсокъ сверканье!
И стиснуты дома: какъ будто засѣданье
Упрямыхъ стариковъ,—чудовищный сенатъ!

810 Все прошлое кричить, мяучить, скачетъ
Въ туманѣ розовомъ и грязномъ, гдѣ соhos
Царить, и вмѣстѣ съ нимъ: indeeds, all rights, hâos!

О нѣтъ, во-истину все это слишкомъ грустно,
И силы нѣтъ терпѣть тѣ пытки безъ надеждъ...

815 О городъ Библіи! о, гдѣ жъ огонь съ небесь!

3.

АЛЛЕГОРІЯ.

Посв. Жюлю Валадону.

Слѣпое, тяжкое, властительное лѣто!
 Какъ деспотъ праздный ты, слѣдящій пытокъ рядъ,
 Съ своимъ сообщникомъ, потокомъ яркимъ свѣта!
 Уставъ, зѣваешь ты. А люди грузно спятъ,

820 Покинувъ всѣ труды. И жаворонокъ звонкій
 Не пѣлъ. Ни вѣтерка, ни облачка, все спить.
 Натянута лазурь, какъ нѣкій завѣсъ тонкій,
 И въ неподвижности молчаніе скользить.

905 Кузнечики въ травѣ молчатъ въ изнеможеньи.
 По пестрымъ камешкамъ не скачутъ ручейки,
 Полуизсохшіе, и не поятъ рѣки.

Лишь неустанное и яркое вращенье
 Муара движется, въ обманчивой дали,
 И, черно-желтые, проносятся шмели.

X
4.

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ.

Посв. Шарлю Морису.

830 О музыкѣ на первомъ мѣстѣ!
Предпочитай размѣръ такой,
Что зыбокъ, растворимъ, и вмѣстѣ
Не давить строгой полнотой.

835 Цѣня слова какъ можно строже,
Люби въ нихъ странныя черты.
Ахъ, пѣсни пьяной что дороже,
Гдѣ точность съ зыбкостью слиты!

840 То—взоръ прекрасный за вуалью,
То—въ полдень задрожавшій свѣтъ,
То—осенью, надъ синей далью,
Вечерній, ясный блескъ планетъ.

841 Одни оттѣнки насъ плѣняютъ,
Не краски: цвѣтъ ихъ слишкомъ строгъ!
Ахъ, лишь оттѣнки сочетаютъ
Мечту съ мечтой, и съ флейтой рогъ.

Страшишь насмѣшекъ, смертныхъ фурий,
И слишкомъ остроумныхъ словъ,
(Отъ нихъ слеза въ глазахъ Лазури!)
И всѣхъ приправъ плохихъ столовъ!

850 Риторикѣ сломай ты шею!
Не очень рѣмой дорожи.
Коль не присматривать за нею,
Куда она ведетъ, скажи!

О, кто расскажетъ рѣмы лживость?
860 Кто, пьяный негръ, иль кто, глухой,
Намъ далъ грошевую красоту
Игрушки хриплой и пустой!

О музыкѣ всегда и снова!
Стихи крылатые твои
860 Пусть ищутъ, за чертой земного,
Иныхъ небесъ, иной любви!

Пусть въ часъ, когда все небо хмуро,
Твой стихъ несется вдоль полянь,
И мятою и тминомъ пьянь...
865 Все прочее—литература!

5.

ИСТОМА.

Посв. Жоржу Куртелину.

Я—одряхлѣвшій Римъ, на рубежѣ паденья.
Смотрю, какъ варваровъ стремится рать впередъ,
А самъ безпечныя пишу стихотворенья,
Гдѣ въ стилѣ золотомъ истома солнца жжетъ.

840 Но одинокій духъ сгораеъ отъ томленья...
Тамъ гдѣ-то, говорятъ, кровавый бой идетъ...
О! ничего не мочь, въ отвѣтъ на всѣ моленья!
О! ничего не ждаты, что скрасить этотъ гнетъ!

875 Увы! не мочь! не ждаты! ~~быть~~^и умереть не въ силахъ!
Все выпито! Баеиль, не смѣйся надо мной!
Все выпито. И что сказать въ стихахъ унылыхъ?

Ахъ, лишь послѣдній рабъ, всегда насмѣшникъ злой,
Ахъ, лишь наивный гимнъ, что надо бросить въ пламя,
Да грусть, что надъ душой свое воздвигло знамя!

~~6~~

ГОСТИННИЦА.

880 Подъ кровлей красною гостинница! отрада
 Для всѣхъ, кто долго шель по пыли въ знойный день:
 Гостинница „Восторгъ“; изъ ближнихъ деревень
 Вино, и мягкій хлѣбъ, и паспорта не надо!

885 Здѣсь курятъ, здѣсь поютъ, здѣсь можно ночевать.
 Хозяинъ—старыхъ дней солдатъ; но молодая
 Хозяйка про любовь болтаетъ, поспѣвая
 Пятакомъ своихъ ребятъ поить, кормить, чесать.

890 Со стѣнъ бревенчатыхъ „Малекъ Адель“ и „Маги“
 Привѣтствуютъ гостей, исполнены отваги,
 И въ комнатѣ стоитъ пріятный запахъ шей.

Чу! слышишь мѣрный шумъ? то голосомъ гудящимъ
 Завторилъ котелокъ съ плиты—часамъ хрипящимъ...
 Въ открытое окно глядитъ просторъ полей.

НЕДАВНО.

ББ

X
1.

ПРОЛОГЪ.

Все это—сумрака созданья,
895 Видѣнья ночи предъ концомъ.
О Истина, твое сіянье
Лишь первымъ свѣтитъ имъ лучомъ!

Въ нихъ все такъ блѣдно, все такъ хило,
Что взорамъ кажется скорѣй:
900 Ихъ не луна ли сотворила
Подъ зыбкимъ ужасомъ вѣтвей.

Иль эти сумрачныя тѣни,
Вдругъ обликъ воспріавъ живой,
Смѣшаются съ семьей твореній
905 На свѣтлой сценѣ міровой,

И будутъ громко славить Бога
Въ напѣвахъ чистыхъ и простыхъ,
Подъ яркимъ солнцемъ, до порога
Небесъ нетлѣнно-голубыхъ!

~~2.~~

ПРЕСТУПЛЕНІЕ ЛЮБВИ.

Посв. гр. Вилье де Лиль-Аланъ.

910 Въ роскошномъ замкѣ, въ древней Экбатанѣ,
Гдѣ золото блестяло изъ шелковъ,
Подъ музыку, въ дыму благоуханій,
Справлялся праздникъ въ честь Семи Грѣховъ.

915 Желанья, какъ огни, горѣли въ залахъ,
Надъ сонмомъ демоновъ и ихъ подругъ;
И Аппетиты, въ блещущихъ кристаллахъ,
Носили вина, вмѣсто быстрыхъ слугъ.

920 Подъ сладостный напѣвъ эпиталамы,
Неспѣшно плыли танцы безъ конца,
И съ голосомъ мужчинъ сливали дамы
Звонящій хоръ, врачующій сердца.

925 И, уклонясь отъ губельной заразы,
Добро во мглѣ роняло капли слезъ,
И ночь подъ нимъ разсыпала алмазы,
И лугъ кругомъ струилъ дыханье розъ.

Прекраснѣйшій изъ демоновъ—веселья
Какъ будто не искалъ. Въ живомъ вѣнцѣ,
И руки сжавъ на яркомъ ожерельѣ,
Мечтаетъ онъ. Унынье на лицѣ.

935 Шестнадцать лѣтъ ему едва ли.
Напрасно праздникъ шуменъ вокругъ него,
Напрасно, братья, ободряя, звали,
И сестры ждали друга своего.

935 Онъ головой качалъ на ихъ призывы,
И черной бабочкой къ его челу,
Гдѣ жемчугъ оплеталъ стеблей извивы,
Приникла грусть и оттѣнила мглу.

Онъ имъ сказалъ: „Мнѣ надо быть въ покоѣ!“
Поцѣловалъ ихъ, нѣжно трепеща,
940 И ускользнулъ, какъ облако ночное,
Въ рукахъ у нихъ оставивъ часть плаща.

Вотъ онъ на башнѣ, выше всѣхъ стоящей,
(Изъ мрамора изваянный герой!)
Онъ поднятъ факель, радостно горящій,
945 И снизу сходенъ съ раннею зарей.

Что голосомъ и нѣжнымъ и глубокимъ,
Съ которымъ такъ согласна тишина,
Онъ говоритъ въ просторѣ одинокомъ,
И отъ чего безумна такъ луна?

950 — „Я буду тѣмъ, кѣмъ Богъ когда-то будетъ!
 Устали мы въ борьбѣ добра и зла!
 Пускай же вѣчность этотъ споръ забудеть:
 Вражда людей и демоновъ—прошла!

955 О, вы всѣ, грѣшники, и вы, святые!
 Зачѣмъ намъ длить упорный этотъ бой?
 О, почему не слить намъ роковыя
 Усилья—въ добродѣтели одной?

960 Борьбы довольно, слишкомъ, слишкомъ равной!
 Отвѣтите всѣ на мой немудрый зовъ,
 Пора соединить любовью явной
 Три добродѣтели и семь грѣховъ!

965 Въ отвѣтъ Христу, кто тѣло на-смерть бросить
 И утвердить сей поединокъ вновь
 Во мнѣ здѣсь Адъ возмездіе приноситъ:
 Прими мой даръ, всемірная Любовь!“

И факель выпалъ изъ руки незримой,
 И взвылъ пожаръ, рванувшись изъ границъ.
 Великій бой, гдѣ въ черныхъ клубахъ дыма
 Мянутся легіоны красныхъ птицъ.

970 Потокомъ медленнымъ струится злато,
 Трещать громады мраморныхъ подпоръ,
 И вспыхиваетъ черный шелкъ, какъ вата,—
 Сверкающій и пышщій костеръ!

975 И демоны, въ огнѣ жестокомъ, пѣли,
Величіе мгновенья оцѣня,
И съ голосомъ мужчинъ опять звенѣли
Напѣвы женъ—надъ бѣшенствомъ огня.

980 А въ вышинѣ, надъ этой шумной битвой,
Горящій взоръ вперя въ небеса,
Онъ говорилъ чуть слышно родъ молитвы,
Но голосъ покрывали голоса.

985 Онъ родъ молитвы говорилъ чуть слышно,
Вперя въ небеса горящій взоръ..
Въ послѣдній разъ рванулось пламя пышно,
И, все покрывъ, рассыпался костеръ.

Но кто-то Сильный, вѣчно Справедливый
Не принялъ жертвы въ этотъ часъ ночной.
Онъ разгадалъ, что отреченья лживы,
Онъ понялъ гордость въ хитрости земной.

990 И нѣтъ слѣдовъ отъ замка въ Экбатанѣ,
Нѣтъ тѣни прошлаго на мѣстѣ томъ,
Чтобъ посреди таинственныхъ преданій
И это стало только смутнымъ сномъ.

995 И снова ночь, вся въ звѣздахъ, голубая,
И Виелеемская равнина спитъ,
Сурово грустная, спокойная, святая...
Но каждый листъ отъ радости дрожить.

Бѣгутъ ручьи беззвучно по камнямъ,
Тяжелыхъ совѣ чуть слышна череда,
1000 И все полно и тайной и молениемъ;
Порой плеснувшая сверкнетъ вода.

Вдали по склону тѣни такъ несмѣлы,
Какъ вздохъ любви, какъ дѣтская свирѣль,
Изъ выбоинъ туманъ восходитъ бѣлый,
1005 Какъ будто ищетъ неземную цѣль.

Во всемъ одна душа, одна тревога,
Одна любовь:—устами безъ числа
Весь мѣръ поеть, зоветъ и славить Бога,
Кто милосердъ и охранить отъ зла.

ИЗЪ КНИГИ

AMOUR

(ЛЮБОВЬ)

(1888 г.)

ЛЮБОВЬ.

72

1.

П И С А Н О в ь 1875 г.

Посв. Эдмонду Лепеллетье.

1010 Мнѣ не забыть, какъ жилъ я въ лучшемъ изъ дворцовъ,
Въ плѣнительной странѣ потоковъ и холмовъ;
Онъ съ четырехъ сторонъ былъ башнями украшенъ,
И жилъ я много дней въ одной изъ этихъ башенъ.

1015 Снаружи сложенъ былъ дворецъ изъ кирпича,
И ало онъ горѣлъ подъ ласкою луча,
Но известъ (бѣлая, какъ первый свѣтъ восхода)
Внутри смягчала видъ и стѣнъ и арки входа.
О утро нашихъ глазъ! душѣ живой привѣтъ!
О пробужденъе чувствъ усталыхъ! бѣлый цвѣтъ!

1020 Ты—слава старости! ты—гордость вѣтокъ майскихъ!
Ты—цвѣтъ невинности! ты—цвѣтъ покрововъ райскихъ!
Межъ лѣстницъ вьющихся, и мѣдныхъ и стальныхъ,
Съ убогой роскошью, ужъ стершейся на нихъ,
Тотъ сине-бѣлый цвѣтъ, любовный, умиленный,

1025 И черной полосой отъ пола отдѣленный,—
Весь день мой наполнялъ молчаньемъ, чистотой,
Чтобъ ночь шептала сны о тверди голубой!

Дверь подъ замкомъ всегда, столъ, стулъ и небольшая
Кровать, гдѣ можно спать, весь миръ позабывая,

10 30 Достаточно свѣтло, достаточный просторъ:
 Вотъ много мѣсяцевъ, что зналъ мой скорбный взоръ.
 Но эта комната во вѣкъ не услышала бъ
 На дни и на затворъ моихъ унылыхъ жалобъ!
 Напротивъ, вновь теперь мѣръ видя предъ собой,
 10 35 Жалѣю горько я два года въ башнѣ той!
 То былъ желанный мѣръ, мѣръ подлинный, высокій,
 Та жесткая кровать, тотъ стулъ мой одинокій!
 Я сознавалъ вполнѣ, что здѣсь я—самъ съ собой,
 И полюбилъ я лучъ, ослабленный, нѣмой,
 10 40 Вхлотившій медленно, какъ другъ, товарищъ давній,
 И замѣнявшій мнѣ сияніе сквозь ставни.
 На что намъ радостей унынье и тщета,
 Когда лобзало насъ страданіе въ уста!
 (О, много цѣннаго въ себѣ таить страданье!)
 10 45 И почему мы такъ страшимся наказанья
 Быть въ одиночествѣ, быть безъ другихъ? Ужель
 Общеніе людей столь дорогая цѣль?
 Я счастливъ въ башнѣ былъ, хоть былъ для всѣхъ бѣднягой,
 И никого мое не соблазняло благо!
 10 50 (О, счастье чувствовать, что ты бѣднѣй другихъ,
 Что зависти къ себѣ не возбуждаешь въ нихъ!)

Дни одиночества дѣлили я равномерно
 Между молитвою и книгами. Навѣрно
 Святые жили такъ! Я чувствовалъ вполнѣ,
 10 55 Что неба уголокъ доступенъ сталъ и мнѣ!
 Я не былъ болѣе въ толпѣ, въ людскомъ порокѣ,
 Гдѣ даромъ тратишь пылъ, гдѣ, какъ голышъ въ потокѣ,
 Невольно катишься! Я былъ среди сердецъ,
 Покорныхъ, что въ тиши къ Себѣ зоветъ Отецъ.
 10 60 Я духомъ возросталъ, былъ добрымъ, скромнымъ, вѣрнымъ,

Все выше восходилъ усиленъ размѣрнымъ:
Такъ зрѣютъ на поляхъ съ неспѣшностью хлѣба.
И тихо обо мнѣ заботилась Судьба.

Два раза или три на дню служитель строгій

1068 Безмолвно приносилъ воды, обѣдъ убогій
И ужинъ. Было вкругъ все тихо. Лишь часовъ
Былъ слышенъ издали широкой, звучный зовъ.
Я жилъ свободой тамъ, единственной, не мнимой!
Я жилъ съ достоинствомъ, ото всего хранимый!

1070 Приютъ, который я, чуть бросивъ, пожалѣлъ!
Дворецъ магическій, въ тебѣ мой духъ созрѣлъ!
Въ тебѣ утихъ порывъ моихъ страстей безумныхъ,
Вращавшихся въ душѣ въ какихъ-то буряхъ шумныхъ!

1075 Дворецъ, алѣющій, подъ яркимъ солнцемъ, днемъ,
И, бѣлый, дремлющій въ безмолвіи nocturno!
Какъ добраго плода, еще твой вкусъ мнѣ сладокъ,
И утоляетъ жаръ случайныхъ лихорадокъ!

1080 О будь благословенъ! ты далъ мнѣ новыхъ силъ,
Ты Вѣрой съ Кротостью меня вооружилъ,
Ты далъ мнѣ хлѣбъ и соль, и плащъ—на путь пустынный,
Такой томительный, и, безъ сомнѣнья, длинный!

Стикней. (Англія).

ОТ РЫ В О К Ъ .

Посв. Ж.-К. Гюисмансу.

Такъ просто, какъ въ огонь льютъ нарды дорогіе,
 И какъ за родину мы проливаемъ кровь,
 Хотѣлъ бы я излить всю душу, всю любовь
 1075 Въ одинъ прекрасный гимнъ, въ тропарь Святой Маріи!

Но—бѣдный грѣшникъ я! и грубый голосъ мой
 Межъ ясныхъ голосовъ мѣшалъ бы, слишкомъ странный!
 Виномъ земной лозы еще позорно пьяный,
 Онъ могъ бы оскорбить слухъ чуткій и святой...

1076 Нѣтъ! будь душой—какъ ключъ нагорный; какъ эмблему,
 Дитя, одѣтое въ ленъ легкій, избери;
 Ягненку, въ кроткій взоръ, безъ трепета смотри;
 Невинности прими безъ страха діадему;—

1075 Тогда посмѣй взнестись въ восторженной хвалѣ
 Къ Маріи Матери, къ Маріи непорочной,
 Витающей межъ силъ, во области заочной,
 Ногами чистыми стоящей на землѣ!.....

3.

НА СМЕРТЬ ЛЮСЕНА ЛЕТИНУА.

И думаль я, идя за траурнымъ кортежомъ:

1100 „Такъ. Богъ тебя призвалъ, когда невиннымъ, свѣжимъ,
И радующимъ взоръ ты въ жизни былъ цвѣткомъ!
Позднѣ женщина взяла бъ тебя. Съ огнемъ
Въ душѣ страдающей, ты къ ней бы устремился,
И горько бы въ ея объятыхъ жадныхъ бился...
1105 Но скоро бъ испыталъ ты благородный страхъ,
И вновь вернулся бы, съ молитвой на устахъ,
Ты къ Добродѣтели и къ Простотѣ; ты снова
Расцвѣлъ бы лиліей, что подъ грозой суровой
Страстей склонилась ницъ, но поднялась опять,
1110 Чтобъ тише, чтобъ свѣтлѣй, чтобъ радостнѣй сіять
Во славу Вѣчнаго...“

Такъ думаль я, и было
Такъ странно—это все мнѣ думать надъ могилой!

ЛЮДОВИКУ II БАВАРСКОМУ.

наш
1115
Король! единственный король въ сей вѣкъ неправый!
Ты умерь съ гордостью, чтобъ разуму отмстить
За все: за темный клубъ политики лукавой,
За знанье, что пришло въ насъ вѣру погубить!

Да, вѣру погубить! и наши пѣснопѣнья,
И вѣчный голосъ музъ, любимый міромъ встарь!
Ты съ гордой простотой за все нашель отмщенье...
Король, привѣтъ тебѣ! о, bravo, государи!

1120 Ты былъ поэтъ, солдатъ, и истинный король
(Какихъ, въ нашъ вѣкъ толпы, мы знаемъ такъ немного!)
И былъ ты мученикъ за вѣру и за Бога!

Мнѣ твой апофеозъ возславить здѣсь позволь!
И да влекутъ твой духъ въ страну святой разлуки
1125 Напѣвовъ Вагнера торжественные звуки!

НА СМЕРТЬ ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ-АДАНЪ.

И ты отъ насъ ушелъ, какъ солнце сходить въ море
За тяжелой завѣсой пурпуровыхъ огней,
Уставъ одно сіять въ торжественномъ уборѣ
И надъ нѣмой землей и надъ тоской гѣней.

1180 Да, ты отъ насъ ушелъ, спокойный, примиренный.
Ты зналъ, что въ небесахъ найдешь отчизну вновь:
Для сердца чистаго тамъ праздникъ просвѣтленный,
Тамъ пламенной любви отвѣтствуетъ Любовь!

1190 Мы медлимъ, о тебѣ храня воспоминанье
Здѣсь, на землѣ, въ мечтахъ, нѣмѣющихъ давно.
Какъ сладостный елей для нашихъ душъ оно!

Вилье де Лиль-Аданъ! Мы жаждемъ дня свиданья!
Когда безсмертный свѣтъ зальетъ земную тьму,
Мы воспоемъ хвалу величью твоему!

Поль Верленъ.

б.

къ сыну.

(Жоржу Верлену).

1140 Я книгу шлю тебѣ, какъ нѣкогда Овидій
Свои стихи—въ далекій Римъ.
Онъ изгнанъ былъ, а я затомлюсь въ иной обидѣ:
Я съ сыномъ разлученъ моимъ.

1145 Увижу ль я тебя? Какимъ?—Мнѣ неизвѣстно...
Но мой завѣтъ произнеси:
Вѣрь въ Бога, никого не ненавидь, и честно
Ты имя честное носи!

ИЗЪ КНИГИ

PARALLÈLEMENT

(ПАРАЛЛЕЛЬНО)

(1889 г.)

ПАРАЛЛЕЛЬНО.

1.

НА ТЕРРАСЪ.

Онѣ смотрѣли въ даль, гдѣ ласточки мелькали.
Сливался косъ агать съ кудрями цвѣта льна.
Одна была ала, другая вся блѣдна;
И кружевъ облака ихъ змѣйно оплетали.

Луна всходила въ высь, прозрачна и круглa,
Клонились станы ихъ, какъ стебли асфodelей,
И сладостной тоской влюбленности пьянѣли
Онѣ; и ихъ печаль, какъ ночь, была свѣтла!

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

2.

С А Ф О.

11 80 Съ глазами впавшими и съ поднятою грудью,
Желаніемъ своимъ измучена, она
Волчицей дикою блуждаетъ по безлюдью.

Въ ея мечтахъ Фаонъ. Давно не зная сна,
Напрасно исходя мольбами и слезами,
Она рветъ волосы роскошные клоками.

11 85 Ей помнится пора цвѣтушая, когда,
Прославлена мольбой, она свои напѣвы
Слагала въ честь подругъ, чиста и молода,
И пѣснямъ сладостнымъ, стыдясь, внимали дѣвы.

11 60 И вотъ, закрывъ глаза, на голосъ Мойры, вдругъ
Въ глубь волнъ бросается, не въ силахъ снести измѣны...
И море черное горитъ, въ лучахъ Селены,
Богини дѣвственной, что мститъ ей за подругъ.

Параллельно.

87

3.

НА СТАТУЮ ГАНИМЕДА

въ Aix-le-Bains.

Какъ, здѣсь, гдѣ я живу въ усадѣ,
Забывъ тревоги прошлыхъ лѣтъ,
Ты вновь, и спереди и сзади,
1165 Прелестный мальчикъ, Ганимедъ!

Орель, какъ будто бы влюбленный,
Тебя схватилъ среди цвѣтовъ
И взносить, мощно окрыленный,
Къ веселой трапезѣ боговъ,

1170 Туда, за этихъ горъ вершины,
За этотъ сумрачный Реварь,
На насъ бросая взоръ орлиный,
А на тебя—взоръ, полный чаръ.

О, мальчикъ мой, останься съ нами!
1175 Я такъ, тебя увидя, радъ!
Насъ—поцѣлуй, утѣшь словами,
Вѣдь ты—вѣдь ты нашъ младшій братъ!

Какъ утѣшитель ты намъ,
И скучу твоими словами
Рассеешь, братецъ младшій нашъ.

~~4.~~

ПЬЕРРО,

Не Пьерро, въ травѣ зеленой,
 Не Пьерро, въ поля влюбленный,
 1180 ~~Но~~ Пьерро, Пьерро, Пьерро!
 Онъ—мальчишка, парень смѣлый,
 Безъ скорлупки плодъ незрѣлый,
 Вотъ Пьерро, Пьерро, Пьерро!

1185 Ростомъ онъ не выше метра,
 Въ головѣ—гулянье вѣтра,
 Но въ глазахъ сверкаетъ сталь!
 Какъ на мѣстѣ искра эта
 У проказника поэта,
 Что не знаетъ про печаль!

1190 Губы—алыя, какъ рана,
 Гдѣ развратъ усѣлся рано,
 Зубы—бѣлые зубцы;
 И лица овалъ античный,
 Блѣдный, тонкій и привычный
 1195 Созерцать, смѣясь, концы...

83

Тѣло хило, но не тонко;
Голосъ, ~~+~~ какъ у дѣвы, звонкій;
Тѣло мальчика, а смѣхъ
Головной, какъ ножъ тревожить!
1200 Существо, что сразу можетъ
Опьянить желанья всѣхъ!

Милый братъ, товарищъ старый!
Будь чертенкомъ, дѣлай чары
И въ Парижѣ, и въ мечтахъ,
1205 И въ странѣ, намъ неизвѣстной!
Низкій, гордый, злобный, честный,
Будь душою въ нашихъ снахъ!

Выростай ~~+~~ на диво міру,
Грусть богатую кубируй,
1210 Утрой веселость ты!
Искаженья и прикраса,
Символь вѣрный и гримаса
Нашей новой простоты!

ИЗЪ КНИГИ

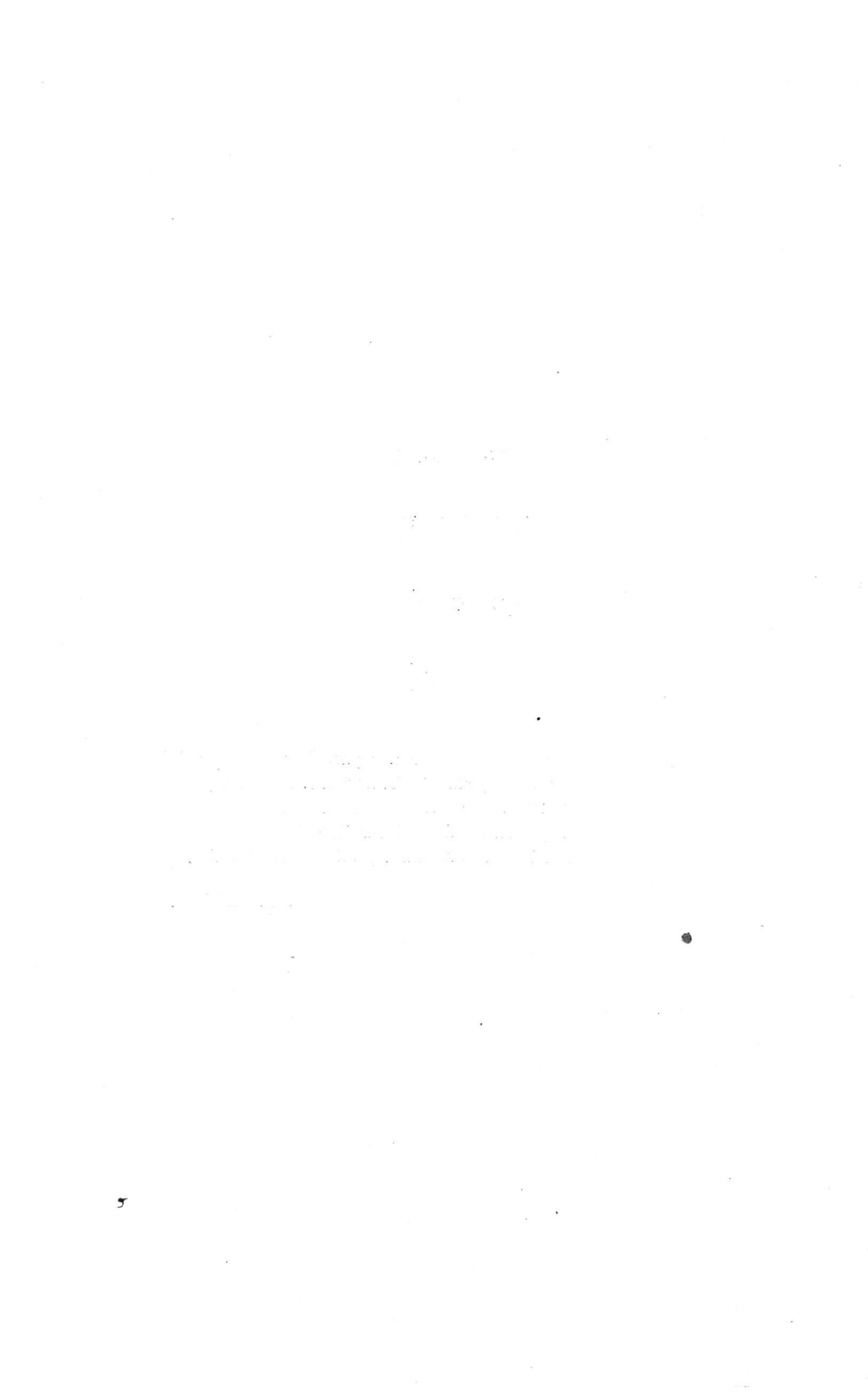
BONHEUR

(СЧАСТІЕ)

(1891 г.)

Ego postquam te emi a parvulo ut semper tibi
Apud me justa et clemens fuerit servitus,
Scis: feci ex servo ut esses libertus mihi
Propterea quod serviebas liberaliter,
Quod habui summum pretium persolvi tibi.

Terentius.

1.

1285 О будь изъ бронзы! будь изъ мрамора! но все же
Изъ плоти будь!—Цѣни свой гордый духъ дороже
Въ борьбѣ съ случайностью всеневныхъ перемѣнъ,
Чѣмъ волосъ бороды, чѣмъ кровь безсонныхъ венъ;
Но все жъ живи!—живи для мукъ и искупленья!
Покаявшись, опять бросайся въ изступленье

1286 Страстей, и свой стаканъ испей, испей до дна!
Живи въ прискорбный вѣкъ, когда твоя страна,
Когда вся Франція отвергла помощь вѣры...
(За родину свою считай иныя сферы,
Гдѣ ждетъ тебя Отецъ божественный—Господы!)

1287 Но все жъ изъ плоти будь! Люби земную плоть,
Которой и Христось себя облекъ когда-то!
Въ ней все таинственно, освящено и свято,
Съ тѣхъ поръ, какъ нѣкогда Учитель, скорбь тая:
„Ядите, произнесъ, сіе есть плоть Моя!“

1288
Тѣ тайна велика. Изъ плоти покаянной
Создай оружіе побѣды неустанной
Надъ гордостью, что намъ, чрезъ ту же плоть, порой
Внушаетъ сатана. Ты гордости иной
Ищи: божественной, единственной на свѣтѣ.

П. Зисс

1235 Всѣ цѣли прочія—лишь дьявольскія сѣти!
О, да! изъ бронзы будь! на грудь надѣнь доспѣхъ,
Чтобъ храбро отражать насъ стерегущей грѣхъ:
Смиренья, Кротости, Стыда, Молчанья, Бдѣнья.
И будь изъ мрамора! подъ шлемомъ Убѣжденья,
1240 Глядя увѣренно на блещущую высь,—
Съ благоговѣніемъ на паперти склонись!

2.

— Холодно, какъ въ стужу мнѣ!
Больно, больно, какъ въ огнѣ!

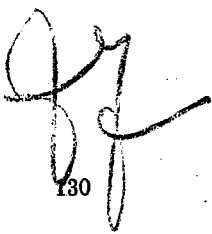
1248 Ноютъ кости, стонетъ тѣло,
Сердце, сердце онѣмѣло!

Брошень я среди снѣговъ,
Какъ добыча для волковъ!

Жгутъ лицо, и грудь, и руки
Торжествующія муки!

1250 Слава гдѣ? гдѣ жизнь моя?
Не въ чистилищѣ ли я?

Или въ безднѣ преисподней,
Гдѣ затмился ликъ Господній?

130

Поль Верленъ.

Травка,

1255

— „Можетъ, горекъ жребій твой,
Но его хотѣлъ Другой,

Нѣкто Правый, нѣкто Сильный...
Что предъ нимъ твой духъ безсильный?

Ты упалъ въ пучину золь,
Но тебя сюда привель

1260

Тотъ, Чья воля—благо людямъ...
Мы ли съ нею спорить будемъ?

Униженія твои—
Знакъ Божественной любви!

1265

Если, въ скорби неизмѣнной,
Ты чуждаешься вселенной,

Это—съ неба на тебя
Смотрить чей-то взоръ, любя.

Кто твои враги ночные?
Это—ангелы святые;

1270

Ихъ угрозы и ихъ гнѣвъ—
То любви небесной сѣвъ!

Полюби свои распятя;
Это—отчія обьятыя!

1275 Язвы тѣла поцѣлуй,
Ницѣ пади и возликуй!

Пусть ты въ мукахъ изнемогъ,—
Въ нихъ тебѣ предстанетъ—Богъ!

Ветраи нож и сѣковъ укоря, —
Въ нихъ благше приговора.

Стужу, плашь ты пройдешь,
Слова Бога обретешь.

1284 Того, что я писалъ, назадъ я не беру,
Все это думалъ я и было правдой это,
И сохраню я все до дня, когда умру,
Былымъ, нетронутымъ, въ волненьяхъ новыхъ свѣта,

1285 Въ упорной ярости и въ гордости нѣмой!
И, какъ выходить сталь изъ сплава рудъ и шлака,
Я выйду, наконецъ, изъ горестнаго мрака,
Я выйду, закаленъ и горемъ и борьбой!

1290 Я выйду—для любви, вполне простой и нѣжной,
Въ которой бы душа таилась безмятежно...
Прочь все „парижское“, и грязь его и гнетъ!

Да здравствуетъ нашъ вкусъ французскій! вкусъ Гаскони,
Шампани, Артуа, Аргонны и Бургони,
И сердце,—чертъ возьми!—что сердцу вѣсть даетъ!

90

4

Равнину мнѣ рисуютъ грезы,
1295 И посреди большой соборъ.
Рѣка, притокъ какой-то Мезы,
Стремится къ морю, на просторъ.

И чуешь дали Океана,
Вдыхая водорослей іодъ,
1300 И крестъ, блестящій изъ тумана,
Межъ башенъ высокò встаетъ.

Н близость

Колокола на колокольнѣ
Поютъ напѣвы серебра,
И все скорѣе, все безвольнѣй
1305 Крутятся съ вѣтромъ флюгера.

Поль Верленъ.

Процессии, свѣтло и мѣрно,
Идутъ—изъ юношей и дѣвъ,
Живыя четки, шелкъ и перлы!
Звучить молитвенный напѣвъ.

1310 И это все—не сонъ, не бдѣнье,
Не рай, и не земная твердь:
Все то—мое мировоззрѣнье,
Моя, въ обличьи миломъ, смерть!

ИЗЪ КНИГИ
CHANSONS POUR ELLE
(ПЪСНИ КЪ НЕЙ)

(1891 г.)

ПОСВЯЩЕНО ШАРЛЮ БОДЛЭРУ.

Да

1.

Ты не совсѣмъ вѣрна, быть можетъ.

132 Но я—не очень я ревнивъ.

Намъ это жить вдвоемъ поможетъ:

Счастлива ты—и я счастливъ!

Люби, и славь любовь, кто живъ!

Тебѣ извѣстны и знакомы,

133 На радость опытныхъ людей,

Такіе хитрые приемы,

Что не придумаешь милѣй!

Дари ихъ прихоти моей!

Я знаю: шутять зло ине...
1321 Тебѣ ужъ не шестнадцать лѣтъ...
Но эти плечи наливныя
И твой наполненный корсетъ...

О! О! У дѣвушекъ ихъ нѣтъ!

„Эге!—смѣются злые люди,—
1330 Давно у васъ остыла кровь!“
Но лишь твои увижу груди,
1331 И мой чередъ смѣяться вновь.

Люби, кто живъ, и славь любовь!

X

2.

Дни осени настали,
Зъвая, приказали
Про лѣто позабыть.
Дрожь осени такъ кстати
Насъ кутаетъ въ кровати.—
Что жъ! въ ней и будемъ жить!

Миѣ ненавистно лѣто!
Несносно слышать это:
„Какъ жарко! будемъ спать!“
Такъ глупо тратить миги,
Быть скучными, какъ книги!
Вотъ, осень, и кровать.

Одинъ въ другомъ, забудемъ
Весь мiръ! Какъ угли, будемъ
Другъ друга жечь, колотъ!
Да будетъ наше знамя:
Стать яростнѣй, чѣмъ пламя,
Стать пламеннѣй, чѣмъ плоть!

3.

1337 Пропаль бы я бессонной ночью,
 Когда бъ не ты со мной воочью
 Всѣмъ тѣломъ молодымъ была!
 И не, привыкшій къ лобзаньямъ,
 Къ притворно хитрымъ восклицаньямъ,
 Твои уста—источникъ зла!

1340 Уста, которыя такъ лживы,
 Но такъ привѣтливо болтливы,
 И о любви твердятъ порой
 Мнѣ съ откровенностью великой!
 Уста, что словно земляника,
 1345 Въ поляхъ созрѣвшая весной!

1347 И не пентакль твоихъ желаній,
 Не чудеса очарованій,
 Многообразныхъ и простыхъ,
 Двухъ глазъ твоихъ, двухъ глазъ колдуньи,
 1350 То чаровницы, то вѣщуны...
 Богъ мой! пропаль бы я безъ нихъ!

ИЗЪ КНИГИ

LITURGIES INTIMES

(ЗАДУШЕВНЫЯ ОБЪДНИ)

(1892 г.)

ЗАДУШЕВНЫЯ ОБЪДНИ.

45

1.

ASPERGES ME.

Иссопа ломкій стебель, сжимаемый Творцомъ,
Мнѣ даровавшимъ жизнь, и милость, и прощенье,
Я, если мой порывъ чистъ предъ Его лицомъ,
1355 Другому указать могу пути спасенья!

И, какъ язычникъ могъ, при крайности крестить,
Такъ, недостойный, я, когда, молясь смиренно,
Стремится кто-нибудь томленья облегчить,
Могу ему открыть глаза на міръ нетлѣнный!

1360 По милосердію, избранному Тобой,
О, сжался, Господи, надъ тьмой моихъ страданій,
И сердце, взросшее межъ тяжкихъ испытаній,
Къ Тебѣ влекомое, какъ рану, успокой!

1365 Дай волю мнѣ—итти впередъ, дорогой длинной,
Исполнить свой обѣтъ,—и, обращая въ храмъ
Всю жизнь, я воспую гимнъ Троицѣ Единой,
Гимнъ Богу, въ небесахъ, недостижимыхъ намъ!

1370 Отцу-Создателю, Чьи помыслы глубоки,
Христу-Спасителю, Кто міру—судія,
Святому Духу, Кѣмъ глаголали пророки,
Я, въ комъ кипить вся кровь, ничтожный грѣшникъ, я,

Сжимаемый Творцомъ, я, ломкій стебель иссопа!

2.—

ПОСЛѢ ВЕЧЕРНИ.

Покинувши Парижъ, приходишь въ Notre-Dame.

1375 Тамъ шумы улицы слились въ аккордъ чуть слышный,
И солнце яркое въ тѣни нѣмбеть тамъ,

Пройдя цвѣтныхъ оконъ узоръ чудесно пышный.

Спокойной тишиной исполненъ этотъ домъ:

Въ немъ явно властвуетъ единый царь—Всевышній.

Вечерни отошли; надъ чернымъ алтаремъ

1380 Лишь шесть мерцаетъ свѣчь; но вѣетъ ароматомъ,
Гдѣ съ еиміамомъ слить воскъ, капавшій дождемъ.

Вотъ прочтены часы; во мракѣ синеватомъ,

Какъ добрая гроза, звучитъ суровый хоръ:

И своды древніе отвѣтствуютъ кантатамъ.

1385 И полонъ пѣніемъ весь сумрачный соборъ,
Гдѣ день, ослабленный Святыми, Королями,
Колелетъ въ высотѣ свой тѣневой узоръ.

И все здѣсь говоритъ о мирѣ, ^и о, словами
Святыми прогнанныхъ, ночныхъ страстяхъ; съ колоннъ
1390 Надежда тянется незримиыми руками.

О неземной восторгъ! сіяетъ свѣтомъ онъ,
Сосредоточеннымъ въ лучѣ единой Правды!
Да, безконечно правъ экстазъ твой, Симеонъ!

Такъ предадимъ же духъ мы въ руки Бога Правды!

1.

ПРОЛОГЪ.

1395 Любовь, любовь неутомима!
Какъ дьяволь, ++яростью томима,
Мила, ++какъ вздохи херувима!

Любовники неутомимы;
Какъ дьяволы, неумолимы,
1400 Настойчивы, какъ херувимы!

Вокругъ неопытныхъ сердець,
Бродя, какъ волкъ вокругъ овецъ,
Они ихъ ловяť, наконецъ.

Любовникъ—онъ всегда хитрецъ!
1405 Нахохлившись, какъ голубъ, лжець
Умѣетъ положить конецъ!

А всѣ любви метаморфозы!
Уста—гранатъ, ланиты—розы,
Смѣхъ грустный, сладостныя слезы!

1410 И все, о чемъ нѣмѣть греза!
Цѣль и причина, стихъ и проза!
Стоить пюнь, раскрыта роза!

ИЗЪ КНИГИ

CHAIR

(ПЛОТЬ)

(1896 г.)

101

2.

пѣсня къ ней.

Мнѣ говорятъ, что ты—блондинка,
 И что блондинка—невѣрна,
 1415 И добавляютъ: „какъ былинка...“
 Но мнѣ такая рѣчь смѣшна!
 Твой глазъ—яснѣе, чѣмъ росинка,
 До губъ твоихъ—душа жадна!

Мнѣ говорятъ, что ты—брюнетка,
 1420 Что взоръ брюнетки—какъ костеръ,
 И что въ огнѣ его нерѣдко
 Сгораетъ сердце... Что за вздоръ!
 Ты цѣловать умѣешь мѣтко,
 И по душѣ мнѣ твой задоръ!

1425 Мнѣ говорятъ: „Не будь съ шатенкой:
 Она блѣдна, скучна чуть-чуть...“
 Смѣюсь надъ дружеской оцѣнкой!
 Дай запахъ косъ твоихъ вдохнуть,
 Моя царица,—и колѣнкой
 1430 Стань, торжествуя, мнѣ на грудь!

Инв. №

22771

